

При выходе из самолета Юнь Ваншу сам завел разговор:

— Брат Цзун, ты постоянно носишь меня в руках, когда мы где-то бываем. Это ведь так неудобно. Я еще в самолете приметил твою сумку и подумал...

Цзун Жуй мог уложить инкубатор в наплечную сумку так, чтобы наружу выглядывал лишь краешек, а молнию застегнуть и зафиксировать. По крайней мере, это освободило бы ему руки.

Выслушав предложение, Цзун Жуй согласно кивнул:

— И правда, так гораздо удобнее. Давай попробуем.

Юнь Ваншу облегченно вздохнул, наблюдая за его движениями. Оказавшись внутри сумки, он попытался взять себя в руки.

"Теперь брат Цзун будет прикасаться ко мне только утром и вечером, когда достает или прячет инкубатор, — думал он. — Наверное, я наконец-то смогу успокоиться и перестану вести себя так странно, как в самолете"

Задумка была хороша, но вскоре Юнь Ваншу понял, как глубоко заблуждался.

Обычный человек, оказавшись так близко к чужой груди, уловил бы малейшее движение. Что уж говорить о чувствах Нетленной кости, которые обострились до предела.

Он отчетливо слышал стук сердца Цзун Жуя. Мерные, глухие удары раздавались прямо над ухом. Они сопровождали его повсюду: когда Цзун Жуй сверялся с картой в аэропорту, выбирая маршрут до гостиницы, когда они ехали в метро и когда оформляли заселение...

Юнь Ваншу перевел дух только тогда, когда сумку наконец сняли с плеча. Но облегчение длилось недолго — к нему снова потянулись пальцы брата Цзуна.

Цзун Жуй достал инкубатор, бережно переложил вещи в сумку и подсунул под дно упаковку бумажных платков. Теперь, если убрать контейнер обратно, он на две трети оставался снаружи.

— Ицзин, так тебе лучше видно? — спросил Цзун Жуй.

Тук-тук.

"Нет, это не то, — Юнь Ваншу растерялся. — Он ведь уже не у него на груди, так почему этот звук до сих пор отдается в ушах?"

Тук-тук, тук-тук...

— Иду, — отозвался Цзун Жуй на стук в дверь и отошел.

Юнь Ваншу проводил его взглядом, наконец-то свободно вздохнув.

Пришел сотрудник отеля. При регистрации на ресепшене не смогли сразу выдать талоны на завтрак и пообещали принести их позже.

Поблагодарив за доставку, Цзун Жуй вернулся к столу, снова накинул ремень сумки на плечо и сказал:

— Сегодня уже поздно для масштабных прогулок. Пройдемся по городу, заглянем в пару мест неподалеку, а завтра спозаранку отправимся в горы.

Юнь Ваншу внутри своего инкубатора осторожно сместил остатки души подальше от стенки, прилегающей к груди Цзун Жуя, стараясь держаться как можно дальше от этого мерного, оглушительного биения.

Иначе ему казалось, будто это его собственное, давно мертвое сердце бьется в груди.

Первой точкой их путешествия стал старинный город с богатой историей. Во второй половине дня Цзун Жуй привел Юнь Ваншу в Музей каменных стел. Он знал, что юноше, тонко чувствовавшему искусство прошлых эпох, наверняка придутся по душе древние барельефы и каллиграфия разных династий.

И не прогадал. Юнь Ваншу был в восторге.

Их знакомство когда-то началось именно с оды «Шанлинь», которую Цзун Жуй вывел своей рукой на бумаге. Будучи ученым мужем из древних времен, Юнь Ваншу, конечно, с любопытством созерцал шумный современный мегаполис, но по-настоящему его душу трогало лишь то, что было ему знакомо и близко.

Многие исторические и культурные отсылки этого мира оставались для него загадкой, но рядом был Цзун Жуй, который знал ответы на все вопросы. Едва они подошли к зданию музея, как мужчина принялся увлеченно рассказывать об экспонатах. Юнь Ваншу слушал затаив дыхание, полностью позабыв о смущающем стуке чужого сердца.

Цзун Жуй не видел лица своего спутника, но по тому, как живо и радостно тот откликался на каждое его слово, понимал: затея удалась. Юнь Ваншу прямо-таки лучился счастьем с той самой минуты, как они переступили порог музея.

"Не ошибся, — с теплой улыбкой подумал Цзун Жуй"

Они бродили по залам до самого закрытия, но Юнь Ваншу все никак не мог насытиться этой красотой.

Заметив это, Цзун Жуй предложил:

— Изначально я планировал побыть здесь четыре дня. Завтра горы, потом пара дней отдыха и пара экскурсий. Но если ты хочешь вернуться сюда завтра...

— Нет-нет, что ты, — поспешил отказаться Юнь Ваншу, — давай придерживаться твоего плана.

Первый день поездки оставил столь яркие впечатления, что юноша с нетерпением ждал продолжения.

Это предвкушение передалось и Цзун Жую. Поддавшись мимолетному порыву, он легонько провел пальцем по гладкой поверхности инкубатора.

Юнь Ваншу замер.

"Ох... Зачем он это делает?"

В груди снова защекотало от фальшивого сердцебиения. Но вскоре он понял, что это мягкое, поглаживающее движение кажется ему смутно знакомым.

Точно так же в детстве его гладили по голове старшие родственники. Цзун Жуй был на несколько лет старше него, потому Юнь Ваншу и звал его «братом», и сейчас тот, похоже, действительно проявлял к нему почти братскую нежность.

Напряжение, мучившее юношу еще с самолета, окончательно растаяло. Он придвинулся ближе к краю контейнера и сквозь прозрачный пластик легонько прижался к подушечке пальца Цзун Жую, словно ластящийся зверек.

На следующий день они поднялись на вершину горы и заночевали в приюте, а наутро встретили величественный рассвет над облаками.

Вслед за этим были новые города, захватывающие дух пейзажи и древние руины. Время летело незаметно, каждая минута их совместного пути была наполнена смыслом и красотой благодаря заботливым хлопотам Цзун Жую.

На пятый день они покинули этот исторический край и, как и планировалось, отправились к

бескрайнему морю.

На девятый день шум прибоя сменился бескрайними зелеными просторами степей.

А за ними раскинулась безмолвная пустыня с невероятным, усыпанным алмазной крошкой небом над каменистым плато Гоби.

Цзун Жуй не жалел никаких денег, стремясь подарить Юнь Ваншу самые прекрасные воспоминания. Впереди их еще ждали сверкающие ледники далеких заснеженных вершин.

Пока же они отдыхали на стоянке: позади высились палатки, а впереди весело трещал костер, бросая искры в темноту. Цзун Жуй с вежливой улыбкой отклонил предложенную соседом по лагерю банку пива:

— Спасибо, я не пью.

Тот не обиделся, шумно вскрыл жестянку сам и, сделав глоток, завел непринужденную беседу:

— Слушай, я давно за тобой наблюдаю... Зачем ты повсюду таскаешь с собой этот химический барометр?

Им обоим было не привыкать к тому, что инкубатор принимают за штормглас. Цзун Жуй спокойно ответил:

— Этот прибор принадлежит очень дорогому для меня человеку.

— О-о, — собеседник заметно оживился, — я так и знал, что здесь кроется какая-то романтическая история! И кто же это? Просто друг или... твоя половинка?

Цзун Жуй и Юнь Ваншу одновременно опешили.

— Ну сам посуди, — парень увлеченно пустился в рассуждения, даже не подозревая, какую бурю поднял в душах своих слушателей. — Парни редко таскают с собой безделушки приятелей в долгие поездки. А вот памятные вещи любимых, особенно тех, кого уже нет рядом... Ой, прости, я ляпнул лишнего?

Цзун Жуй устало потер переносицу и вздохнул:

— Вы ошибаетесь. Все совсем не так.

Желания вдаваться в подробности у него не было. Любопытный турист разочарованно вздохнул

и вскоре отошел к другой компании.

Голоса попутчиков у костра и сухой треск сгорающих веток уплывали куда-то на периферию сознания. Цзун Жуй больше не вслушивался в лагерный шум.

Он заметил, что едва прозвучало это двусмысленное слово «половинка», как Юнь Ваншу затих.

Немного выждав, Цзун Жуй негромко заговорил, стараясь сгладить неловкость:

— Наверное, это какой-нибудь трэвел-блогер. Они вечно ищут драму на пустом месте и любят придумывать красивые истории. Не принимай близко к сердцу.

Юнь Ваншу отозвался лишь спустя долгую паузу:

— Все в порядке, брат Цзун. Я не сержусь.

Он давно смирился с неизбежным. Его пребывание в этом мире подходило к концу, а значит, о некоторых вещах ему не следовало даже задумываться. Мечтать о несбыточном было слишком больно.

Услышав этот тихий ответ, Цзун Жуй почувствовал, как напряжение отпускает его, но какое-то смутное беспокойство все же осталось.

— А я уж испугался, — полушутя протянул он, — что ты обиделся. Почему тогда ты сегодня такой молчаливый?

— Просто вспомнился один старый трактат, который я когда-то заучивал наизусть, — честно ответил юноша.

Это была правда лишь наполовину. Когда тот случайный прохожий назвал его «любимым», сердце Юнь Ваншу пустилось вскачь, а мысли спутались. Чтобы хоть как-то вернуть самообладание, ему пришлось судорожно вспоминать скучные назидательные тексты, которые в детстве заставлял зубрить строгий учитель.

Цзун Жуй, разумеется, не догадывался о душевных метаниях своего спутника. Ему показалось, что Юнь Ваншу просто грустит из-за того, что их чудесная поездка близится к завершению.

Взгляд мужчины потемнел. Ему хотелось найти нужные слова, чтобы подбодрить юношу, но перед лицом суровой реальности любые утешения казались пустым звуком.

Помолчав, он мягко произнес:

— Помнишь, сегодня гид советовал пропустить одну из точек на маршруте? Я убрал ее из программы и пересчитал наше время. Получилось выкроить целых полтора свободных дня. Ицзин, может, есть какое-то место, куда бы тебе очень хотелось попасть? Мы могли бы снова съездить в тот музей каменных стел.

Для обычного туриста подобные метания через полстраны показались бы безумием. Но Цзун Жуй, думая о том, как мало времени осталось его другу, не жалел ни сил, ни ресурсов.

Ответ Юнь Ваншу, однако, застал его врасплох:

— Я бы хотел увидеть места, где ты вырос.

Цзун Жуй опешил:

— Мой родной город?..

— Да, — с мягкой улыбкой подтвердил юноша. — Мою родину тебе уже не суждено увидеть, но на твою я бы с удовольствием посмотрел.

Исполнить это желание было несложно. Цзун Жуй тут же открыл приложение на телефоне, проверил расписание и за считанные минуты выкупил билеты на самолет и поезд.

В обычных обстоятельствах он бы крепко призадумался, стоит ли останавливаться дома или лучше снять номер в отеле. Объяснять родителям, почему он приехал всего на пару дней и так спешно уезжает, не хотелось. К тому же дни Юнь Ваншу были сочтены, и Цзун Жуй дорожил каждой минутой, стремясь провести их наедине с ним.

Однако, заглянув в семейный чат, он с облегчением обнаружил, что родители снова укатили в очередное путешествие.

Когда он рассказал об этом Юнь Ваншу, тот искренне порадовался за них:

— Я помню, как ты созванивался с ними по видеосвязи. По годам почтенные дядюшка и тетушка — ровесники моих родителей, но выглядят куда моложе, особенно твой отец. Видимо, как раз благодаря их любви к дальним поездкам.

В его словах была доля истины, но Цзун Жуй, усмехнувшись, покачал головой:

— Думаю, все гораздо проще: в нашем мире мужчины не носят длинные бороды.

Юнь Ваншу не сдержал негромкого смеха:

— Да уж, пожалуй, ты прав.

Его родной городок не мог похвастаться статусом популярного курорта или обилием достопримечательностей, но Цзун Жуй все равно скрупулезно составил маршрут, стараясь выжать максимум из этой спонтанной поездки.

Юнь Ваншу с искренним интересом осматривал все, что ему показывали. Но на самом деле большую часть времени его взгляд был устремлен не на улочки и парки, а на самого Цзун Жуя.

Их совместная сказка близилась к концу. Он по-прежнему сдерживал свои чувства, запрещая себе надеяться на чудо. Но сейчас, в эти последние мгновения, он позволил себе крошечную слабость — просто смотреть на этого человека, запоминая каждую черточку его лица, чтобы унести этот образ с собой в вечное небытие.

И вот три недели странствий подошли к концу. Это время пролетело как прекрасный, дурманивший сон, от которого пришла пора просыпаться.

На двадцать первый день Цзун Жуй и Юнь Ваншу вернулись в Пинчэн. Едва сойдя с трапа самолета, они поймали такси и направились напрямик к дому Шэня и Ланя.

<http://bllate.org/book/18254/1753172>